Снитковская Полина Алексеевна

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКОГО ТИПА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

В данной статье рассматривается влияние теоретических подходов в изучении погребальной обрядности на исследования курганных памятников синташтинской и петровской культур. Во второй половине XX века, в рамках научной дискуссии, археологами разрабатывались методы, которые легли в основу современных исследований погребальной практики. Главное внимание автор концентрирует на синтезе теоретических направлений, позволивших сформулировать понятие изучаемого явления, выявить его структуру, определить составляющие элементы и применить в изучении погребально-поминальной практики синташтинской и петровской культур.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 4. С. 169-172. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

13. **Коллонтай А. М.** Трудовая повинность и охрана женского труда // Коммунистка. 1920. № 6. С. 15-17.
14. **Луначарский А.** О быте. М. – Л.: Государственное издательство, 1927. 82 с.
15. **Лялин Н.** Диспут в Академии коммунистического воспитания имени Н. Крупской // Молодая гвардия. 1926. № 12. С. 168-173.
16. **Малашкин С.** Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь [Электронный ресурс]. М.: Молодая гвардия, 1928. URL: http://itexts.net/avtor-sergey-ivanovich-malashkin/146788-luna-s-pravoy-storony-ili-neobyknovennaya-lyubov-sbornik-sergey-malashkin.html (дата обращения: 06.11.2017).
17. **Партийная этика**: документы и материалы дискуссии 20-х годов / под ред. А. А. Гусейнова и др. М.: Политиздат, 1989. 509 с.
18. **Полонский В. О.** О проблемах пола и половой литературе // Известия. 1927. 4 апреля.
19. **Райх В.** Сексуальная революция [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=144323 (дата обращения: 06.11.2016).
20. **Романов П.** Без черемухи: повесть, рассказы. М.: Правда, 1990. 464 с.
21. **Романов П.** Суд над пионером // Молодая гвардия. 1927. № 1. С. 86-91.
22. **Рудин И.** Содружество. М.: Федерация, 1929. 304 с.
23. **Третьяков С.** Хочу ребенка! // Новый Леф. 1927. № 3. С. 3-81.
24. **Троцкий Л.** От старой семьи – к новой [Электронный ресурс]. URL: http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl916.htm (дата обращения: 06.11.2017).
25. **Шабатура Е. А.** Образ «новой женщины» в советской культуре 1917-1929 гг.: дисс. … к.и.н. Омск, 2006. 230 с.

“NEW MORALITY” IN THE SOVIET CINEMATOGRAPH OF THE 1920S

Smagina Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Art Criticism
Research Institute of Film Art of Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Moscow
smsval@mail.ru

The article is devoted to the questions of “new morality” in the Soviet cinematograph of the 20s – the early 30-s. The author restores bit by bit the nuances of depicting this theme in the films of that time and represents the polemics of directors with proletarian ideas. The fact, that the “new morality” with regard to the family and the role of women in society had been declared by a cinema screen and rejected by it for less than ten years, is of great historical importance both for understanding the Soviet culture at early stages of its development, and for comprehending the role of cinematograph in the life of society.

Key words and phrases: history of cinema; Soviet cinematograph; “sexual question”; new morality; new woman; gender; gender studies.

УДК 903.5(470.55)«637»
Исторические науки и археология

В данной статье рассматривается влияние теоретических подходов в изучении погребальной обрядности на исследования курганных памятников синташтинской и петровской культур. Во второй половине XX века, в рамках научной дискуссии, археологами разрабатывались методы, которые легли в основу современных исследований погребальной практики. Главное внимание автор концентрирует на синтезе теоретических направлений, позволивших сформулировать понятие изучаемого явления, выявить его структуру, определить составляющие элементы и применить в изучении погребально-поминальной практики синташтинской и петровской культур.

Ключевые слова и фразы: археология; синташтинская культура; петровская культура; погребальный обряд; погребальная практика; Бронзовый век.

Снитковская Полина Алексеевна
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург
p.a.sniky@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКОГО ТИПА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 161810332 «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)», рук. Л. Н. Корякова.

Погребальные памятники синташтинско-петровской культуры, в отличие от поселений, сконцентрированных в Южном Зауралье, известны по обе стороны Урала. Они представляют собой многомогильные курганы, содержащие остатки довольно сложной погребальной обрядности, исследование которой представляет большой научный интерес. Цель настоящей статьи – кратко осветить некоторые теоретические подходы к изучению данного явления и обозначить основные вехи истории археологического изучения могильников обозначенного типа в Южном Зауралье.

Погребально-поминальная обрядность является наиболее консервативным и устойчивым компонентом любой культуры. Она, как правило, строго регламентирована, установленные ею правила и действия сохраняются и передаются от поколения к поколению.

Любой обряд, как известно, не существует отдельно от системы представлений, принятых в обществе. Он поддерживается не столько правовыми механизмами, сколько силой традиции. Обряд, по сути, есть программа, моделирующая поведение человека и его действия, предписанные принятой в обществе идеологией, изменения в которой могут вызывать изменения и в обрядности [11, с. 113]. Кроме того, в определенных ситуациях, когда социум находится в процессе распада или, наоборот, становления, может наблюдаться разнообразие в обрядовых действиях.

Исследование погребальной обрядности всегда занимало значительное место в археологии. Историография этой темы огромна и заслуживает отдельного большого изучения.

Начало дискуссии о современных методах изучения погребальных комплексов и о разработке понятийного аппарата для обозначения элементов, входящих в их состав, восходит к середине прошлого века. Особое внимание уделялось общему смыслу обрядности и ее соотношению с другими сферами культуры.

Важный вклад в изучение погребального обряда внесли В. Ф. Генинг и В. А. Борзунов. Они разделили его на фазы, отражающие определенную последовательность действий при совершении захоронения. Каждая фаза имеет несколько категорий признаков, представляющих собой комплекс действий, связанных с одним объектом (могильное и надмогильное сооружение). Первичное звено в процессе сооружения погребального памятника – отдельное действие, фиксируемое в материальных предметах (ориентировка ямы, положение костяка) [4, с. 42].

Близкий по существу, но несколько иной по форме подход применил Г. С. Лебедев, рассмотрев погребальный обряд как систему взаимосвязанных признаков нескольких классов, характеризующих способ погребения, вид захоронения, помещения останков, конструкцию погребального сооружения, состав и размещение жертвоприношений и инвентаря. Согласно его мнению, реконструкция действий по материальным признакам позволяет выделить типы погребальных ритуалов, то есть отличающиеся друг от друга акты ритуала [13, с. 23-34].

Вслед за ним В. А. Алекшин разделил погребальный обряд на два взаимосвязанных компонента, первый из которых представлял собой набор ритуальных действий, необходимых для отправления покойных в другой мир, а второй – набор материальных элементов: погребальное сооружение, инвентарь, поза покойного [1, с. 3]. Близкой точки зрения придерживался В. С. Ольховский, по мнению которого любой обряд, включая погребальный, можно разделить на две составляющие – религиозно-идеологическую и практическую. Согласно его мнению, погребальный обряд определяется совокупностью стереотипно-символических действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими идеологическую нагрузку в процессе подготовки и совершения захоронения умершего [14, с. 67].

В археологическом контексте основное внимание уделяется практической сфере, а именно, таким признакам, как способ погребения (ингумация, кремация), характер захоронения (яма, на поверхности), вид и тип погребального сооружения, положение умершего, состав и расположение инвентаря и жертвенных остатков [10, с. 44-46].

В ходе указанной дискуссии были достигнуты существенные результаты в области выявления структуры памятника, включающего в себя такие уровни сложности, как погребения, погребальные комплексы (курганы, мавзолеи и т.д.) и погребальные группы (курганные группы и грунтовые могильники). Погребальные памятники всех трех уровней обладают набором взаимосвязанных групп элементов.

Новые теоретические модели были применены в изучении погребальной обрядности населения синташтинской и петровской культур, датируемых в первом случае XXI-XVIII вв. до н.э., во втором – XIX-XVII вв. до н.э. Поселения и могильники синташтинско-петровского типа ученые начали исследовать в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Именно тогда на территории Южного Урала и Северного Казахстана были открыты поселения Худолаз в окрестностях с. Кизильское [17, с. 174-175] и Семиозерное II в Верхнем Притоболье [5, с. 289]. К тому же промежутку времени относится открытие Синташтинского комплекса, расположенного в Брединском районе Челябинской области. В 1975 году под научным руководством В. Ф. Генинга был исследован малый могильник, а в 1983 году изучение комплекса продолжили Г. Б. Зданович и В. В. Генинг. Ими проводились работы по раскопкам укрепленного поселения Синташта, в связи с чем были вскрыты участок оборонительного рва и стены поселения. В это же время К. Ф. Смирновым и М. Г. Мошковой в Приуралье были проведены важные исследования Ново-Кумакского могильника. Материалы Кургана 25 были проанализированы и опубликованы К. Ф. Смирновым и Е. Е. Кузьминой [16].

Позднее длительные раскопки проводились на Большекараганском могильнике. Данный памятник исследовался на протяжении многих лет несколькими экспедициями под руководством А. Д. Таирова [18], С. Г. Боталова [2] и Г. Б. Здановича [8].

В 1982 году разведочным отрядом археологической экспедиции ЧГПИ был найден могильник Кривое Озеро в Троицком районе Челябинской области. Стационарные работы осуществлялись под руководством Н. Б. Виноградова [3].

В. П. Костюков открыл в 1986 г. могильник Каменный Амбар. Он расположен в Карталинском районе Челябинской области. В 1,5 км от погребального комплекса расположено укрепленное поселение Ольгино (Каменный Амбар), обследование которого было произведено в 1982 году Ю. В. Тарасовым. В 2004-2005 гг. совместная экспедиция Института истории и археологии УрО РАН и ЮурГУ продолжила работы под руководством А. В. Епимахова, которым ранее был обследован курганный могильник Солнце II [6].

Могильник Степное VII и поселение Степное VIII располагались на левом берегу реки Уй неподалеку от села Степное. Памятники исследовались с 1999-2005 гг. отрядом археологической экспедиции ЧелГУ – Заповедника «Аркаим». Работы положили начало многолетнему проекту по изучению археологических объектов на данной территории под руководством Е. В. Куприяновой и Д. Г. Здановича [12].

По мере накопления материала одной из главных задач исследователей стало изучение погребальной обрядности населения, оставившего памятники синташтинско-петровского типа.

Среди исследователей, внесших вклад в изучение данной проблематики, следует отметить Н. Б. Виноградова, А. В. Епимахова и Д. Г. Здановича. Используя подход В. С. Ольховского, А. В. Епимахов определил специфику могильника Каменный Амбар – 5 и синташтинских памятников в целом. Было установлено, что подкурганное пространство имеет явные свидетельства планировочной структуры. Кольцевой способ организации подкурганного пространства имеется в Синташтинском, Большекараганском могильниках, а также в могильниках Кривое Озеро и Солнце II [7, с. 144].

Общей чертой для всех курганов является наличие жертвоприношений животных. Д. Г. Зданович разделил жертвенные комплексы на несколько типов: непосредственно в могильной яме, на перекрытии, на подкурганной площадке без привязки к конкретному захоронению [9, с. 11-18]. Автор пришел к выводу, что самым распространенным видом жертвенных животных был мелкий рогатый скот, второе место занимала лошадь и третье – крупный рогатый скот.

О способах обращения с умершими позволяет судить сопроводительный инвентарь. Среди наиболее часто встречаемого инвентаря можно отметить керамические сосуды. На основе анализа материала из могильника Кривое Озеро Н. Б. Виноградов предположил, что петровские памятники следует интерпретировать как раннеалакульские, поскольку именно в них присутствуют основные алакульские стереотипы. Однако «инициатором формирования памятников петровского типа являлось население синташтинской культуры», о чем говорит заимствованная техника орнаментации керамических сосудов [3, с. 270-271].

Таким образом, в ходе дискуссии о методах изучения погребального обряда была определена его структура, предусматривающая наличие достаточно устойчивого комплекса отдельных элементов, связанных между собой и имеющих повсеместное распространение.

Данный подход лег в основу изучения погребально-поминальной практики синташтинской и петровской культур. При анализе курганных памятников, расположенных на территории Южного Зауралья, исследователями были выделены такие элементы, как организация курганного пространства, жертвоприношения, положение тел и набор инвентаря. По сути, данные элементы представляют собой отдельные проявления ритуалов, имеющих разнообразные формы и репрезентации. Строительство и организация погребального пространства некрополей синташтинско-петровского типа осуществлялись на основе схожих традиций, что дает возможность рассматривать погребальный обряд в рамках одной традиции.

Список источников

1. **Алекшин В. А.** Погребальный обряд как археологический источник // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 167. С. 3-9.
2. **Боталов С. Г.** Раскопки Большекараганского могильника (отчет): рукопись. Челябинск, 1989. 98 с. // Архив Челябинского государственного педагогического университета.
3. **Виноградов Н. Б.** Могильник Бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. 360 с.
4. **Генинг В. Ф., Борзунов В. А.** Методика статистической обработки, характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1975. Вып. 13. С. 42-72.
5. **Евдокимов А. В., Логвин В. Н.** Исследования в Кустанайской области // Археологические открытия – 1971. М., 1972. С. 287-289.
6. **Епимахов А. В.** Могильник Солнце II (отчет): рукопись. Челябинск, 1994. 56 с. // Архив Южно-Уральского государственного университета.
7. **Епимахов А. В.** Ранние комплексные общества севера центральной Евразии (по материалам могильника КА-5). Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2005. 190 с.
8. **Зданович Г. Б.** Археологические исследования на могильнике Большекараганский (Аркаим) в 1991-1992 (отчет): рукопись. Челябинск, 1993. 87 с. // Архив исследовательского центра «Аркаим».
9. **Зданович Д. Г.** Синташтинское общество: основы «Квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1997. 93 с.
10. **Корякова Л. Н.** Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 241 с.
11. **Корякова Л. Н.** Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1994. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. С. 113-169.
12. **Куприянова Е. В., Зданович Д. Г.** Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.
13. **Лебедев Г. С.** Погребальный обряд как источник социологической реконструкции // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 1977. С. 23-34.
14. **Ольховский В. С.** Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология. 1986. № 1. С. 55-76.
15. **Потемкина Т. М.** Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. 385 с.
16. **Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.** Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. 82 с.
17. **Стоколос В. С.** Исследования Мезенско-Уральского отряда // Археологические открытия – 1981. М., 1983. С. 174-175.
18. **Таиров А. Д.** Исследование Большекараганского могильника в Брединском районе Челябинской области (отчет): рукопись. Челябинск, 1988. 59 с. // Архив Челябинского государственного педагогического университета.

STUDY OF BURIAL CEREMONIAL BY THE MATERIALS OF THE BURIAL GROUND OF THE SYNTASHTIN-PETROVSKY TYPE IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

Snitkovskaya Polina Alekseevna
Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg
p.a.sniky@yandex.ru

This article considers the influence of theoretical approaches in the study of burial ceremonial on the research of the grave mound monuments of the Sintashta and Petrine cultures. In the second half of the XX century, as a part of the scientific discussion, archaeologists developed the methods that formed a basis for modern studies of burial practice. The author pays particular attention to the synthesis of theoretical directions that made it possible to formulate the notion of the phenomenon under study, to reveal its structure, to determine the constituent elements, and to apply it in studying the funeral-memorial practice of the Sintashta and Petrine cultures.

Key words and phrases: archeology; Sintashta culture; Petrine culture; burial ceremonial; burial practice; Bronze Age.

УДК 94(571.54)
Исторические науки и археология

В статье проанализировано участие молодежи в проводимых Советским государством социально-экономических преобразованиях в 1920-1930-е гг. В частности, рассмотрена роль молодого поколения в процессах ликвидации неграмотности, индустриализации и коллективизации. Делается вывод, что благодаря умелой агитационно-пропагандистской деятельности, правящей партии удалось добиться того, чтобы юноши и девушки проявляли активное участие в строительстве нового советского общества.

Ключевые слова и фразы: молодежь; советское общество; ликвидация неграмотности; индустриализация; коллективизация; новый быт; идеология.

Соболева Анастасия Николаевна, к.и.н.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ
soboleva03_88@mail.ru

ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕСС СТРОИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1920-1930-Е ГГ.

В отечественной истории 20-30-е гг. XX в. являются важнейшим переходным периодом, изменившим все стороны жизни общества и государства. Это время кардинальных социально-экономических трансформаций, взаимовлияния старого и нового. Время, когда были заложены основы советской модели развития. Характерной особенностью этого периода была ставка на молодое поколение, которое должно было стать локомотивом модернизационных преобразований. Правящая партия считала, что историческая задача молодежи кроется в построении нового коммунистического общества. Так в СССР появился первый отечественный конструкт – молодежь как строители коммунизма, а молодое поколение стало рассматриваться как важнейшая составная часть пролетариата.

Отведение для молодежи роли помощника партии в деле построения коммунизма в стране сводилось к тому, что ее включенность в политические процессы рассматривалась как партийно-политическая, государственная и личностная задача. И если в первые годы советской власти партия старалась учитывать интересы молодого поколения и ориентировалась на «разумное воспитание», то в дальнейшем воспитание превратилось в средство для достижения «великих целей», где основными принципами стали идеологизация сознания, формирование классовой преданности и убежденности. Роль главного посредника между властью и молодым поколением была отведена Всесоюзному ленинскому коммунистическому союзу молодежи (ВЛКСМ).

Радикальные изменения, происходившие в новом советском государстве, в основе которых лежал переход от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому обществу, требовали резкого повышения культурного уровня населения страны. Повсеместно развернулась кампания по ликвидации безграмотности населения. По сравнению с предыдущими поколениями молодежь должна была существенно продвинуться в освоении духовной культуры и в получении образования.

К началу рассматриваемого периода культурный уровень советской молодежи был относительно невысоким – сохранялся существенный слой неграмотных и малограмотных. В лучшем случае молодые люди имели образование в объеме начальной школы. При этом нужно учитывать, что уровень грамотности в отдаленных национальных республиках по сравнению с центральными регионами был значительно ниже. Так, если в Московской и Ленинградской губерниях неграмотность среди молодежи 14-24 лет составляла лишь 17,7% и 10,8% соответственно, то в Бурятии неграмотность молодых людей этого же возраста достигала 54,6%.